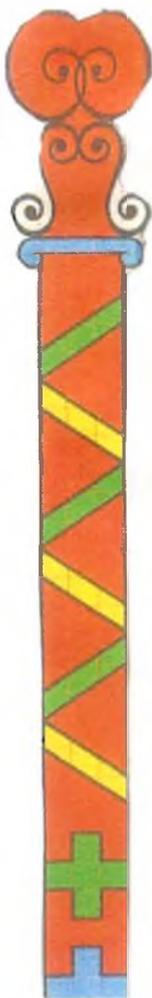

А. Борис Сорокин

* * *

Здесь нет важнее дел
И нет нужней, чем то,
Чтоб лучше разглядеть
И обнаружить, что
Дождь с раннего утра
Покуда шёл и шёл,
Ствол яблони замшел,
Ствол яблони зацвёл.

* * *

Не тот – кипуч,
Не предков ключ,
А просто ломкий лунный луч,
Моей напившись крови, –
Уже избытком слов налит,
Уже к утру пунцов горит,
И день пылает внове.

* * *

Так тесно здесь, где тоже лягу –
Наследник смотрящих в обрыв.
Порой не сделаешь и шагу,
На чей-то гроб не наступив.

Пока же смерть от света слепнет
Дневной беспомощной совой,
Как догадается наследник,
О том, что наступил на свой?

Рождественская ель

Сам звёздный свод с тобой вселился
В четыре будничных стены.
И так для будней праздник сбылся.
Лучи свечей отражены
И в блеске детских глаз играют –
Лишь для младенческой игры
В тяжёлом сумраке сгорают
И загораются миры.

Узнать в грудных, в младенце хлева
Черты Творца не мудрено:
Весь мир горящий – только древо,
И в жертву срублено оно.

* * *

Так и загул в его слепом размахе
Пророчеством становится шутя,
Когда мужик в палаческой рубахе
Короной забавлялся, как дитя.

Так человечьим черепом, как камнем,
Играет зверь, добычей ловли сыт,
Так взгляд пронзительней, когда, умнея,
Гамлет
В глазницы поздней осени глядит.

* * *

Рассеян на путях мой ум-Израиль,
В рассеяньи – народ моей души.
Что ж медлишь?!
Праху – прах, в песок и гравий
Скудель горшечную и эту раскроши.

Остыл поток ключом кипевшей речи,
Язык свободы, не привыкший лгать,
Беспомощен, забыт, и Богу нечем
Уже и, значит, не о чём сказать.

На мемфионы

Вот смерть придёт и всё поправит –
И грязь, и кровь, и желчь обид,
Надёжно прячет, не лукавит
Сплошной зимы широкий бинт.

Он так нас пеленает туго,
Так слепнем, безупречность в нём
Осваивая, что в лицо друг друга
Мы в двух шагах не узнаём.

А если смертник – не последний
Предсмертный вздох, а злоба дня,
Безглазый лист, смертельно бледный,
Вот-вот востребует меня.

Старый поэт и амур

I

К концу пути стращают Стиксом.
Что в этом? Только и всего –
Кровь искушается инстинктом
Творения из ничего.

Недели, дни, мгновенья служит,
Густея, кровь черновика,
Чтобы опять на белой стуже
Дрожать века, века, века.

Кто верил в неизбежность встречи?
К нам в двери стук,
А дверь ничья.
Из немоты начаток речи,
Как говор первого ручья.

Скажи, как гость стреляет метко!
Им снова на прицел взята
У сердца выдавшая метка,
Всех ахиллесова пята.

Нас всех живых подводит брэнность.
Когтит зима. Вот подожди –
Я в панцирь ледяной оденусь
Снегов и стуж. Тогда иди!

II

Немилость расставанья
Спешат сменить пока
Гитары воркованье –
На пенье петуха,

На чистый свиток рани
Дивись, открыв окно,
Какой стрелой ты ранен,
Не всё ль теперь равно!

Дивись, как строчки тают
На белизне листа;
Кто кровью истекает,
Тем дрожь знакома та.

Так гость к забытой двери
Спешит в буране крыл,
Так Моцарта к Сальери
Приводит Гавриил.

* * *

Да, посетил я остров тот,
Где остывают от забот,
Великие и просто Тени,
В кошмарных и обычных снах
Мне не приснился этот страх –
Ступать на стёртые ступени.

С тех пор, куда б ни повела
Пера когтистого стрела,
Свернёт к одной привычной цели –
Той, где себя застать смогу
Опять на девственном снегу,
Где и мои следы чернели!

Первый неправильный сонет

Пока пропажа музы с возу
Сулит вознице облегченье,
Её глубинную занозу
Не вытянуть ни ухищреньям,

Ни тайнам речи –
Начнёшь – ей нет конца: едва замечен
Вовне лишь отблеск озаренья,
В руках как будто оперенье –
Увяз в предсердье наконечник.

Очаг неустранимой боли
Не даст забыть он в пекле колик,
Что этот плод прижит любовью.
Вот почему, где сталь твердеет,
Плоть воспаляется и рдеет,
Чтоб не истечь мгновенно кровью.

* * *

Нелеп в падучей вдохновенья
И в дни витий, и до сих пор
Поэт внутри стихотворенья –
Перед оркестром дирижёр.

Лишь Богу ведом облик тайный
Его юродов и калек,
Своих в Его угожьях дальних,
Где гость случайный – человек.

Замкнут в клише житийных рамок,
А он – из пут – и был таков.
Опять швыряет камни в храмы,
Целует стены кабаков.

* * *

Когда моей касаются псалмы
Души глухой, немой и бесноватой,
Я не отвечу, кто мне даст взаимы
Звериный слух и выговор пернатых.

Когда пастух недужного царя
Опять игрой в падучей заклинает,
Его венец получит он не зря,
Не безвозмездно царство принимает.

Царь не в накладе, их роднит не кровь, —
Переплелись в родстве певучих токов.
Теперь гадай на гуще облаков:
Не быть ли и Саулу во пророках.

* * *

Опять бессонница пытается помочь
Проникнуть в лирника нетающую ночь,
В ночь без рассвета, где поёт псалтирь –
Куда ты смотришь, мальчик-поводырь?

Он заигрался, впору бы слуге
Такому на ночь быть привязанным к ноге,
Не скоро подопечного в бегах
Сдаст пересменщику на дантовых кругах.

К этому необходимому пояснению:

Листопад
(вакхическая песнь)

Вдруг из лета в крутом повороте
Застигаешь врасплох невпопад
Торжества истончания плоти:
Расточительный пир – листопад.

В круг со мной, кто богат, не имея!
Всё сожжёт, как не свой реквизит,
Жизнь, светясь, полыхая и рдея –
Дух синее в прорехах сквозит.

А проснёшься – и ты обманула:
Как с весной зелен был виноград,
Так и лисьим хвостом промелькнула
Эта осень – бреди наугад.
Где слепых вековечная муза?
Здесь Вергилий! Готов поводырь,
В пальцы впившись нездешнюю стужей,
Провести через белый пустырь.

* * *

Бесстыдность бритого актерского лица
Удобна для какой угодно маски.
Не оценить Емеле до конца
Бесстрашной лжи суфлёрские подсказки.

Честнее падать головою вниз
Ко дну, к разоблачения позору.
Вдруг просыпаешься –
Рождественский сюрприз:
Венец и вправду самозванцу впору.

Спешащих к острову, где скоро разглядим
В возникшем городе святой Иерусалим.

А вот за ним ещё один, ещё –
Даров, как множащихся льдин
Несметен счёт.

Ведь правда же, и в памяти Творца
Им просто не предвидится конца?

* * *

С плеч – ноша житейского груза,
И к западу клонится день.
Так долго я ждал тебя, муза,
А ты – моя верная тень –
У ног моих мною начнёшься,
Становишься к ночи длинней,
Продолжившись, ночи клянёшься,
Что – всей моей жизни длинней.

* * *

Всего-то—навсего, то, что мне свет в окошке,
Зовётся счастьем материнства кошки:
Не стихотворения ещё – стихотворёнка
Облизывать, как мокрого котёнка.

* * *

Когда болезни шапка-невидимка
Придётся впору так, что под сурдинку
Стремишься к музе-нелюдимке в гости,
В уединение едва ль не на погосте,

С проходим на пути – не разминёшься, –
Лицом к лицу нечаянно столкнёшься –
Дорожка ведь и узка, и одна.
«Quo vadis?» слышно, «дальше тишина...»

* * *

От щедрых рук изранен небосвод
На треть почти, чтоб быть живым и зрячим.
Что ж мы, земная пыль, из рода в род
От мук кричим и под бичами плачем?

Ослушной глины мять не перестав,
Ещё пещрит замес звездами знаков.
Так повреждение бедра хранит Иаков
Как отпечаток Божьего перста.

СОДЕРЖАНИЕ

«Здесь нет важнее дел...»	Лист 1
«Не тот – кипуч...»	Лист 2
«Так тесно здесь, где тоже лягу...»	Лист 3
Рождественская ель	Лист 4
«Так и загул в его слепом размахе...»	Лист 5
«Рассеян на путях мой ум-Израиль...»	Лист 6
На мемфионы	Лист 7
Старый поэт и амур	Лист 8
«Да, посетил я остров тот...»	Лист 9
Первый неправильный сонет	Лист 10
«Нелеп в падучей вдохновенья...»	Лист 11
«Когда моей касаются псалмы...»	Лист 12
«Опять бессонница пытается помочь...»	Лист 13
Листопад (вакхическая песнь)	Лист 13

«Бесстыдность бритого актерского лица...»	Лист 14
Второй неправильный сонет	Лист 15
О стихах забытых и других	Лист 16
«С плеч – ноша житейского груза»	Лист 17
«Всего-то–навсего, то, что мне свет в окошке...»	Лист 18
«Когда болезни шапка-невидимка...»	Лист 19
«От щедрых рук изранен небосвод...»	Лист 20